

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.21672/1818-510X-2020-65-4-097-103

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ¹

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, профессор, доцент
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению роли женщин в истории буддийской культуры Средневековой Японии. Анализируется процесс формирования первой женской буддийской монашеской общины на территории Японии. Отмечается, что формирование первой буддийской монашеской общины здесь было связано с женщинами корейского происхождения. Значительную роль в институционализации буддизма на территории Японии и превращении его в господствующую идеологию сыграли японские императрицы, которым импонировал буддийский подход к религиозному статусу женщины. Японские императрицы активно поддерживали строительство буддийских храмов, жертвовали им земли и значительные денежные средства. Осуществляя политику укрепления буддийской церкви, они одновременно содействовали ее централизации и установлению жесткого контроля над сангхой со стороны государства. Социальный и конфессиональный статус женщин в истории средневековой Японии постоянно менялся. Если до конца периода Нара монахини имели такой же социальный и конфессиональный статус, как и монахи, то в эпоху Хэйан монахини были отстранены от государственных должностей и государственных церемоний, а в религиозных трактатах получило распространение мнение о том, что женщины не могут обрести спасение, пока не переродятся мужчинами. В эпохи Камакура и Муромати женщины вновь стали играть активную роль в обществе, в том числе и в религиозных институтах. В этот период появляются новые направления буддизма (амидаизм, Сото-дзен, школа Нитирэна), в доктринах которых отношение к женщинам было более уважительным. В последующий период происходит усиление влияния конфуцианства и ослабление позиций буддизма в японском обществе, что отрицательно сказалось на социальном положении женщин и состоянии женской монашеской общины.

Ключевые слова: гендер, женщина в буддизме, женская сангха, буддийские монахини, японский буддизм, Япония, японская культура

WOMEN IN THE HISTORY OF BUDDHIST CULTURE OF MEDIEVAL JAPAN

Ulanov Mergen S., D. Sc. (Philosophy), Professor, Associate Professor
Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista, 358000, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the role of women in the history of Buddhist culture in medieval Japan. The article examines the formation of the first female Buddhist monastic community in Japan. It is noted that the formation of the first Buddhist monastic community here was associated with women of Korean origin. A significant role in the institutionalization of Buddhism in Japan and its transformation into the dominant ideology was played by the Japanese empresses, who were impressed by the Buddhist approach to the religious status of women. The Japanese empresses actively supported the construction of Buddhist temples, donated land and significant funds to them. While pursuing a policy of strengthening the Buddhist church, they simultaneously contributed to its centralization and the establishment of strict control over the sangha by the state. The social and confessional status of women in the history of medieval Japan was constantly changing. If, until the end of the Nara period, nuns had the same social and confessional status as monks, then in the Heian era, nuns were removed from government positions and state ceremonies, and in religious treatises the opinion that women could not find salvation until will not be reborn as men. During the Kamakura and Muromachi eras, women again began to play an active role in society, including in religious institutions. During this period, new directions of Buddhism appeared (Amidaism, Soto-Zen, the Nichiren school), in whose doctrines the attitude towards women was more respectful. In the subsequent period, there was an increase in the influence of Confucianism and a weakening of the position of Buddhism in Japanese society, which negatively affected the social status of women and the state of the female monastic community.

Keywords: gender, woman in Buddhism, female sangha, Buddhist nuns, Japanese Buddhism, Japan, Japanese culture

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность» (The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00128 "A Woman in Buddhist Culture: Traditions and Modernity".)

Формирование первой женской монашеской общины в Японии. Буддизм появился в Японии в середине VI в. н. э., радикально изменив религиозный ландшафт Японии. Интересно, что формирование первой буддийской монашеской общины Японии было связано не с мужчинами, а женщинами, которые образовали первую в стране сангху. Первые монахини Японии были родом из Кореи. Так, в «Нихон сёки», древнейшем письменном памятнике Японии, говорится, что в 577 г. правитель древнекорейского государства Пэкче послал японскому императору дары, в числе которых были не только буддийские книги, но также и монахиня [10, с. 45].

Значительную роль в распространении и утверждении буддизма в Японии сыграл род Сога, имевший китайское происхождение и симпатизировавший буддизму. В 584 г. министр из рода Сога Умако-но Сукунэ содействовал рукоположению в монашество нескольких девушек – дочерей корейских мигрантов, которые должны были выполнять буддийские обряды при дворе. Выбор пал на корейских девушек не случайно. Во-первых, корейские мигранты в Японии уже были знакомы с буддизмом и, вероятно, его исповедовали. Во-вторых, на религиозные верования японцев в данный период оказывали сильное влияние пережитки матриархата, поэтому основными посредниками во взаимоотношениях с местными богами (ками) были девушки-жрицы. При этом местное население не видело серьезных различий между буддийскими и синтоистскими божествами [9, с. 66].

Неслучайно, обрядово-культурная деятельность первых буддийских монахинь во многом походила на моления в синтоистских святилищах, где женщины-шаманки выполняли посредническую функцию между божествами и людьми [22, р. 58]. В отдельных случаях женщины могли совмещать в себе функции монахини и синтоистской жрицы. Так, например, известен случай, когда главная жрица синтоистского святилища в честь бога Хатимана была одновременно и буддийской монахиней [9, с. 183]. Как замечает Е. С. Сафронова, первыми служителями протосинто были женщины-шаманки или жрицы (мико). Только позднее появляются шаманы-мужчины. В ранних японских хрониках отмечается факт, что мать первого императора Дзимцу-тэнно также была шаманкой [12, с. 21]. По мнению Дж. М. Китагавы, весьма вероятно, что «многие женщины, занимавшие важный пост императорской супруги были шаманками» [6, с. 37].

Священником, рукоположившим первых японских монахинь, был корейский мигрант Хе Пхён, который первоначально был буддийским монахом в Корее, но затем снял с себя обеты [10, с. 77]. Естественно, что подобное рукоположение было явным нарушением буддийского монашеского кодекса Винаи, согласно которому посвящать женщин в монашество могла только группа монахов и монахинь, строго держащих свои обеты. Кроме того, в соответствии с предписаниями Винаи, девушки, принявшие постриг, были слишком молодыми (11–17 лет) для рукоположения в монахини. Вероятно, представители рода Сога выбрали их сообразно синтоистской традиции, чтобы они молились и выполняли жертвоприношение буддийским божествам, подобно тому, как это делали юные девы-шаманки по отношению к местным богам-ками.

Несмотря на то, что на раннем японском буддизме сказывался весьма высокий статус, которым обладали женщины в Японии, положение первых японских монахинь была достаточно неустойчивым. Уже в 585 г. началось преследование монахинь из-за болезни государя Сога-но Опооми и интриг влиятельных родов. Когда в стране разразился мор, главы родов Мононобэ и Накатоми настроили государя против буддистов [10, с. 78]. В результате, храм и статую Будды было велено сжечь, а монахинь подвергнуть публичному наказанию [10, с. 78]. Однако после предпринятых антибуддийских мер эпидемия не только не ослабла, но еще более усугубилась, что было интерпретировано как проявление гнева буддийских божеств. В результате роду Сога было вновь дано разрешение на поклонение Будде, не обращая при этом в буддизм новых адептов [10, с. 79].

Вскоре (587 г.) первые монахини обратились к государю с просьбой отправить их в Корею для дальнейшего обучения нравственности, отмечая, что монашеский путь «заключается в соблюдении заповедей» [10, с. 84]. Вероятно, монахини понимали, что их посвящение противоречило буддийской традиции и поэтому стремились получить полноценное рукоположение. Поэтому в 588 г. Умако-но Сукунэ отправил монахинь в Пэкче для обучения правилам Винаи [10, с. 87]. Поездка первых монахинь в Корею и получение там соответствующего посвящения дали возможность посвятить в монашество новых девушек, прежде всего, дочерей корейских и китайских мигрантов.

Следует отметить, что основой монашеских посвящений в Японии в последующий период стал «Сибун-рицу» («Четырехчастный монашеский устав»). «Сибун-рицу» представлял собой китайское переложение свода правил монашеской жизни (Винаи) в варианте древнеиндийской школы Дхармагуптака. В соответствии с данной традицией «Сибун-рицу» включал в себя 250 обетов для монахов и 348 заповедей для монахинь. В ходе церемонии рукоположения монахини, также как и монахи, получали новое имя, которое, как правило, состояло из двух иероглифов [16, с. 86].

Первоначально в Японии монахинями, главным образом, становились молодые девушки, принимавшие посвящение в юном возрасте. Однако позже некоторые женщины стали принимать монашество в зрелом возрасте. Учет подобного рода монахинь обычно не велся. Им также не устраивали испытаний на знание сутр и трактатов. В таких случаях обряд посвящения мог провести всего один монах или монахиня. При этом жизнь женщины сильно не менялась, а наиболее заметным изменением становилась обривание головы. Так, например, в «Записках без названия» (начало XIII в.) рассказчица отмечает, что пошла в монахини после того, как ее волосы в силу старости потеряли красивый вид. После рукоположения

монахини часто оставались жить у себя дома, время от времени совершая паломничества в храмы. Иногда они селились в окрестностях японской столицы при одном из местных храмов. К концу X столетия принятие женщинами монашества в японском обществе, прежде всего, в среде аристократии. Сама Суйко внесла важный вклад в этот процесс. Одним из первых ее шагов после восшествия на престол был указ о начале строительства в Японии новых буддийских храмов. В «Нихон сёки» отмечается, что «государыня повелела престолонаследнику ... споспешествовать процветанию Трех Сокровищ. В это время все оми и мурази (*главы могущественных аристократических родов – прим. М. У.*), соревнуясь друг с другом, стали строить дома для достижения благополучия своих господ и родителей. Эти дома называли храмами» [10, с. 91]. Кроме того, в 605 г. «государыня выступила перед престолонаследником, Опооми, принцами министрами, и они вместе принесли обет» [10, с. 98].

Роль японских императриц в распространении и становления буддизма. Значительную роль в распространении и становлении буддизма на территории Японии сыграли японские императрицы, в частности императрица Суйко (593–628). Время правления данной императрицы отмечено широким распространением буддизма в японском обществе, прежде всего, в среде аристократии. Сама Суйко внесла важный вклад в этот процесс. Одним из первых ее шагов после восшествия на престол был указ о начале строительства в Японии новых буддийских храмов. В «Нихон сёки» отмечается, что «государыня повелела престолонаследнику ... споспешествовать процветанию Трех Сокровищ. В это время все оми и мурази (*главы могущественных аристократических родов – прим. М. У.*), соревнуясь друг с другом, стали строить дома для достижения благополучия своих господ и родителей. Эти дома называли храмами» [10, с. 91]. Кроме того, в 605 г. «государыня выступила перед престолонаследником, Опооми, принцами министрами, и они вместе принесли обет» [10, с. 98].

В связи с этим весьма показательной является запись в «Нихон сёки» о том, что Суйко попросила принца Сётоку даровать толкование сутры «Сёмангё» («Сутра о Шримале»), которое он завершил за три дня [10, с. 99]. Как известно, главной героиней данной сутры была добродетельная индийская королева Шримала, которой Будда предсказал быстрое обретение просветления. В сутре устами Будды говорится, что она будет почитаема всеми людьми и богами в течение бесчисленных кальп (эпох), а в ее персональной Чистой Земле (раю) «не будет страданий старости и болезней, не будет плохих деяний и даже не будет таких слов» [13]. Публичные лекции, посвященные объяснению данного текста, вероятно, должны были вызвать у верующих определенную аналогию между индийской и японской царицами. Фактически, чтение и объяснение сутры «Сёмангё» укрепляло и освящало власть императрицы [4, с. 91].

Однако, несмотря на то, что Суйко позиционировала себя как сторонница буддийской религии, она продолжала поклоняться синтоистским богам (ками). Следование буддизму не мешало ей активно заниматься шаманской деятельностью, в силу чего, в глазах простого народа она была одновременно и синтоистской жрицей, выступавшей посредником между людьми и японскими богами.

Еще одним важным моментом в истории правления императрицы Суйко было установление в 623 г. контроля государства над монашеской общиной, в том числе и женской. Государство учреждало специальные надзорные должности, обязанностью которых были следить за поведением монахов и монахинь. Вводилась также должность ответственного за имущество храма (ходзу), на которую также определялся государственный чиновник [10, с. 111]. Таким образом, в отличие от древней и средневековой Индии, где сангха обладала значительной степенью автономности, в Японии буддийская монашеская община быстро попала под жестким контролем со стороны государства [2, с. 23].

Государственную поддержку буддизму оказывали и другие японские императрицы, в частности, императрица Когёку (Саймэй), правление которой разделено на два периода (642–645 и 655–661 гг.), между которыми правил ее брат Котокю. Особенностью ее правления стало поощрение государством публичных чтений сутр с самыми разными целями. Так, в 642 г., в первый период правления императрицы, во время сильной засухи ко двору для чтения сутр было приглашено множество буддийских монахов [19, с. 21–22]. В 659 г. чтобы отблагодарить духов предков чиновникам был дан приказ читать сутру «Уранбонкё» («Аваламбана-сутра») в столичных буддийских храмах [10, с. 183]. Выбор данной сутры определялся тем, что она была посвящена почитанию родителей [19, с. 14].

Императрица Дзито (686–697 гг.) продолжила традицию Когёку (Саймэй), связанную с публичным чтением сутр. Одной из причин таких мероприятий была засуха. Известно, что в 691 г. в связи с сильной засухой императрица Дзито издала указ о необходимости чтения сутр монахами в храмах столицы и внутренних провинций в течение 5 дней. Одновременно императрица запретила сановникам и чиновникам употреблять в эти дни спиртное и мясо, советуя им «отрешиться от мирского и совершать покаяние» [19, с. 24]. В 693 г. сутра «Нинно ханьякё» («Каруникараджа-Празднeparамита-сутра») в течение четырех дней излагалась в ста провинциях страны [19, с. 15]. Особой любовью у Дзито пользовалась сутра «Конкомёкё» («Суварнапрабхаса-сутра» или «Сутра золотого света»). В данной сутре не только излагались основополагающие идеи махаянского буддизма, в силу чего ее часто называют энциклопедией махаяны, но и содержались практические советы правителям по управлению государством, что вызывало к ней повышенный интерес со стороны буддийских монархов Востока [1, с. 67–68].

Императрица Дзито использовала буддизм не только для борьбы с засухами и наводнениями, но и для интеграции в формирующийся японский этнос северных айских племен эмиси (эбису). Несмотря на то, что официально эмиси были включены в состав японского государства достаточно рано, они отличались независимым нравом и часто поднимали восстания. Дзито активно поощряла принятие айскими племенами буддизма, разрешив им принимать монашество и посылая к ним буддийские ритуальные принадлежности, статуи будд и бодхисаттв, а также монашеские одеяния. Вероятно, Дзито небезосновательно считала,

что принятие эмисы буддизма, с одной стороны, делает их более цивилизованными и менее воинственными, а, с другой, культурно сблизит с японцами [7, с. 91].

Еще одной японской императрицей, активно поддерживавшей буддизм, была Кокэн (Сётоку), пришедшая к власти в 749 г. Будучи ревностной буддисткой, она в 758 г. вынуждена была отречься от престола в пользу принца Дзюннина, который больше тяготел к конфуцианству. При этом Кокэн удалось сохранить привилегии и значительную власть. Вскоре между Кокэн и новым императором появились разногласия, вероятно, в том числе и из-за их религиозных взглядов. В результате Кокэн вынуждена была принять монашество и поселиться в буддийском храме Хокодзи. При этом она продолжала влиять на управление страной и вести политическую борьбу с Дзюннином. Используя свои связи с буддийской общиной, при поддержке влиятельного монаха Докё, она смогла в 764 г. вернуть власть. После этого Кокэн вторично взошла на трон, на сей раз под именем Сётоку. В отличие от Дзюннина, который делал упор на построение государства на основе конфуцианской идеологии, Кокэн (Сётоку) активно поддерживала буддизм. Фактически при ней политика поощрения буддизма достигла своей наивысшей точки. Так, например, императрица во имя буддийской идеи ахимсы (ненасилия) отменила систему подношений мясом и рыбой к царскому столу, которые доставлялись из провинций. Важным шагом по поддержке буддизма был указ о строительстве в стране целой сети провинциальных храмов. Императрица способствовала строительству новых буддийских храмов, увеличению их земельных наделов и расширению прав по пользованию землей [8, с. 79].

Принятие монашеского пострига императрица не считала препятствием для восхождения на престол. В одном из ее указов отмечалось следующее: «Хотя я обрила голову и облачилась в монашеское платье, я должна повелевать Поднебесной. Согласно сутре, Будда рек: «О, цари! Когда вы восходите на престол, следует пройти бодхисаттвы чистейшее посвящение. А посему для монаха нет причин, чтобы отстраняться от управления. Почитаю потому за благо, чтобы у меня, императрицы-монахини, был министр-монах» [2, с. 25]. Таким министром-монахом и стал вышеупомянутый Докё, получивший титул «дайдзин дзэндзи» («министр-монах»).

Видя в буддийской общине идеологическую и социальную опору своей власти, императрица всячески поощряла официальный или государственный буддизм, запрещая при этом бродячим монахам и отшельникам проповедовать народу. Осуществляя политику укрепления и поддержки буддийской церкви, выражавшуюся в строительстве огромного количества храмов и пожертвовании им земель и денежных средств, Кокэн (Сётоку) одновременно содействовала ее централизации и установлению жесткого контроля над ней со стороны государства [8, с. 80]. Причиной этого был, вероятно, тот факт, что буддизм в данный период превращался в серьезную, самостоятельную политическую силу, объединяя наиболее динамичные и активные силы общества. Практика контроля над буддийской церковью не была нововведением для Японии, поскольку, как уже отмечалось выше, императрица Суйко также пыталась усилить контроль над сангхой.

Говоря о причинах активной поддержки всеми японскими императрицами буддизма, можно предположить, что им импонировал буддийский подход к религиозному статусу женщины, который резко контрастировал с конфуцианской установкой на ограничение социальной активности женщин, фактически запрещающей лицам женского пола править государством.

Социальный и конфессиональный статус женщин в средневековой Японии. Как уже отмечалось, на положение первых японских монахинь значительное влияние имели матриархальные пережитки, согласно которым женщины играли важную роль в общении с богами, выступая как жрицы. Однако, если до конца периода Нара (710–794 гг.) монахини имели такой же социальный и конфессиональный статус, как и монахи, то в эпоху Хэйан (794–1185 гг.) монахини были отстранены от государственных должностей и государственных церемоний. В религиозных трактатах получило распространение мнение о том, что женщины не могут обрести спасение, пока не переродятся мужчинами. Женщины, все чаще подвергались остракизму со стороны мужчин.

В период Хэйан женщинам не разрешалось посещать мужские монастыри, чтобы не ввергать монахов в соблазн. Крупнейшие храмовые объединения, такие как гора Хиэй, вообще не допускали к себе женщин – ни монахинь, ни паломниц. Тенденцию снижения конфессионального статуса женщин усугубляло внедрение системы квот эзотерических школ Тендай и Сингон, которая требовал от лиц, добывающихся официальное рукоположения в монахи или монахини, проходить суровые испытания длительными аскетическими практиками в горах, что привело к окончательному вытеснению женщин из данных популярных орденов. В результате этого количество официально рукоположенных монахинь значительно сократилось. Многие женские монастыри были либо закрыты, либо преобразованы в мужские монастыри [21, р. 95].

В эпоху Хэйан, пройдя церемонию рукоположения в монахини, женщины, как правило, не уходили в монастырь, а продолжали жить в своей семье в статусе монахини в миру. Сохранившиеся женские монастыри были малочисленными и находились в зависимом положении от мужских монастырских обителей. Женщины должны были помогать монахам в решении бытовых проблем. Кроме того, женские монастыри нередко использовались монахами для местопребывания их близких родственников, которые, приняв монашеские обеты, в силу разных причин не могли жить в кругу семьи. Монахини обычно не получали религиозного образования и не участвовали в официальных церемониях. Естественно, что были и исключения

из правил, когда некоторым монахиням удавалось получить духовное образование благодаря помощи монахов или образованных старших насельниц. В целом же, японские женщины были поставлены в жесткое зависимое положение от мужчин [14, с. 107].

В период Камакура (1185–1333 гг.) ситуация вновь изменилась. С развитием феодальной системы женщины вновь стали играть активную роль в обществе, преодолевая стереотипы и социальные барьеры Хэйан [14, с. 107]. В этот период появляются такие новые направления буддизма, как амидаизм, в доктринах которых отношение к женщинам было более уважительным. Женщины способствовали распространению амидаизма в высших слоях общества, поскольку в отличие от ряда других форм буддизма, ограничивавших роль женщин в религиозной жизни, демократическая природа амидаизма открывала им широкий доступ к религиозной деятельности.

Уважительное отношение к женщинам можно обнаружить и в учении других школ данного периода. Так, мастер Догэн (1200–1253 гг.), основавший школу Сото-дзэн, считал, что буддийское учение применимо ко всем людям, вне зависимости от их социального статуса, умственных способностей или пола. Поэтому он говорил, что женщины могут обрести просветление или нирвану, наравне с мужчинами. Известно, что сам Догэн имел нескольких способных учениц-монахинь [6, с. 177]. Догэн, жестко осуждал распространенные в то время представления о нечистоте женщин. Он открыто критиковал тех китайских монахов, которые поклялись никогда не видеть женщин, и высмеивал создателей правил, запрещающих женщинам входить в храмы [11, с. 84].

Из традиций японского буддизма, в которых женщины имели достаточно высокий профессиональный статус, следует отметить маргинальную школу, основанную учителем Нитирэном (1222–1282 гг.) [подр.: 5]. Центральное место в учении Нитирэна занимает «Сутра Лотоса» (полное название «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы»). Известно, что в школе Нитирэна женщины, как монахини, так и мирянки, играли значительную роль. Именно женщины были наиболее преданными его сторонниками и оказывали ему значительную материальную поддержку [3, с. 37]. Вероятно, данный факт был связан с особенностью «Сутры Лотоса», один из разделов которой рассказывает о драконьей деве или дочери царя драконов, быстро достигшей просветления. В данном разделе сутры проводится мысль о том, что просветление возможно не только для мужчин, но и для женщин. В силу этого «Сутра Лотоса» в Японии традиционно воспринималась как сутра для женщин или «женский» текст [15].

Среди последователей Нитирэна была много так называемых монахинь в миру, принимавших рукоположение вместе с мужьями. Подобного рода женское монашество не предполагало полный отказ от мирской жизни, а также не обязывало женщину брить голову и носить специальную одежду. Достаточно было соблюдать главные буддийские заповеди и посвящать свободное время чтению и почитанию «Сутра Лотоса», прежде всего через произнесение мантры Одаймоку [20].

Конфессиональный статус женщин в эпоху Муромати (1333–1573 гг.) в целом не изменился, поскольку развитие буддизма шло в русле основных тенденций, заложенных в камакурский период. При этом в религиозной жизни японцев господствовали амидаистические течения, дзен-буддизм, а также школа Нитирэн, оформившиеся в эпоху Камакура и достаточно уважительно относящиеся к женщинам. В целом, периоды Камакура и Муромати являлись эпохами наивысшего расцвета буддизма в Японии, когда его популярность в народе достигла своего апогея [2, с. 200].

В последующий период буддизм постепенно терял свои позиции в японском обществе, что было связано с ослаблением экономической самостоятельностью буддийских монастырей, которые до этого представляли собой мощную экономическую и политическую силу, формируя предпосылки для развития капиталистических отношений [подр.: 17]. В то же время буддийские храмы были включены в систему государственного аппарата, что, с одной стороны, гарантировало им постоянный доход, а, с другой, ставило под жесткий контроль со стороны государства.

Таким образом, буддизм оказал значительное влияние на положение женщин в средневековой Японии. С проникновением буддизма в Японию у местных женщин появилась возможность получить образование, проявить себя как личность и даже сделать церковную карьеру. Данную возможность предоставлял институт женского монашества, заимствованный из Кореи. Несмотря на то, что этот путь был сложен, он давал женщинам прекрасную возможность для духовной самореализации.

Список литературы

1. Базаров, А. А. «Сутра золотого света» как наиболее распространенное каноническое произведение в буддийском сообществе Буряти / А. А. Базаров, Д. Л. Доржиева, Д. Ю. Мункожапов, С. М. Найданова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 63–70.
2. Буддизм в Японии. – Москва : Наука. Восточная литература, 1993. – 704 с.
3. Буддийская философия в средневековой Японии. – Москва : Янус-К (Ладомир), 1998. – 392 с.
4. Игнатович, А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории / А. Н. Игнатович. – Москва : Наука. Восточная литература, 1988. – 320 с.
5. Игнатович, А. Н. Школа Нитирэн: Рассуждения об установлении справедливости и спокойствия в стране / А. Н. Игнатович. – Москва : Сталсервис, 2002. – 480 с.
6. Китагава, Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 588 с.

7. Лепехова, Е. С. Японские императрицы и их покровительство буддизму в Японии / Е. С. Лепехова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 86–92.
8. Мещеряков, А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины / А. Н. Мещеряков. – Москва : Наука. Восточная литература, 1988. – 235 с.
9. Накорчевский, А. А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика) / А. А. Накорчевский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
10. Нихон сэки. Анналы Японии. – Санкт-Петербург : Гиперион, 1997. – Т. 2. – 432 с.
11. Нукария, К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии / К. Нукария. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 245 с.
12. Сафронова, Е. С. Синто и буддизм в средневековой Японии / Е. С. Сафронова. – Москва, 1982. – 214 с.
13. Сутра о львином рыке царицы Шрималы. – Режим доступа: https://buddha-sutras.io.ua/s1761157/sutra_o_lvinom_ryke_caricy_shrimaly_shrimaladevi-simhananda-sutra_maharatnakuta_sutra_glava_48, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
14. Суханова, Н. Н. Социальный статус женщины в Японии: веки истории / Н. Н. Суханова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 2. – С. 106–112.
15. Трубникова, Н. Н. Жизнь и сочинения Нитирэна / Н. Н. Трубникова. – Режим доступа: <http://trubnikovann.narod.ru/Nichi0.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
16. Трубникова, Н. Н. История религий Японии IX–XII вв. / Н. Н. Трубникова, А. С. Бачурин. – Москва : Наталис, 2009. – 560 с.
17. Уланов, М. С. Буддийская этика и «дух капитализма» (о роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии) / М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев // Диалог со временем. – 2018. – № 62. – С. 210–221.
18. Уланов, М. С. Женское духовенство в истории буддизма у монгольских народов России / М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 195–208.
19. Фиссер, М. В. Древний буддизм и Японии / М. В. Фиссер. – Москва : Серебряные нити, 2016. – 472 с.
20. Шмыгля, А. Солнце Встаёт на Востоке – жизнеописание Нитирэна / А. Шмыгля. – Режим доступа: <https://proza.ru/2008/12/29/179>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
21. Kurihara, T. A. History of Women in Japanese Buddhism: Nichiren's Perspectives on the Enlightenment of Women / T. A. Kurihara // The Journal of Oriental Studies. – 2003. – № 13. – P. 94–118.
22. Lepekhova, E. S. Buddhist Nuns in Early Medieval Japanese Sources (In Comparison With Tibetan Yoginis and Chinese Nuns) / E. S. Lepekhova // Cultural and Religious Studies. – Jan.-Feb. 2015. – Vol. 3, № 1. – P. 58–68.

References

1. Bazarov, A. A., Dorzhieva, D. L., Munkozhapov, D. Ju., Najdanova, S. M. "Sutra zolotogo sveta" kak naibolee rasprostranennoe kanonicheskoe proizvedenie v buddijskom soobshhestve Burjati ["Sutra of the Golden Light" as the most widespread canonical work in the Buddhist community of Buryatia]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2018, no. 3, pp. 63–70.
2. *Buddizm v Japonii* [Buddhism in Japan]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaja literatura Publ., 1993, 704 p.
3. *Buddijskaja filosofija v srednevekovoj Japonii* [Buddhist philosophy in medieval Japan]. Moscow, Janus-K (Ladimir), 1998, 392 p.
4. Ignatovich, A. N. *Buddizm v Japonii. Oчерк rannej istorii* [Buddhism in Japan. An outline of early history]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaja literatura Publ., 1988, 320 p.
5. Ignatovich, A. N. *Shkola Nitirjen: Rassuzhdenija ob ustanovlenii spravedlivosti i spokojstvija v strane* [Nichiren School: Discourse on establishing justice and tranquility in the country]. Moscow, Stil'servis Publ., 2002, 480 p.
6. Kitagava, Dzh. M. *Religija v istorii Japonii* [Religion in the history of Japan]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, 588 p.
7. Lepekhova, E. S. *Japonskie imperatricy i ih pokrovitel'stvo buddizmu v Japonii* [Japanese empresses and their patronage of Buddhism in Japan]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 6, pp. 86–92.
8. Meshherjakov, A. N. *Geroi, tvorcy i hraniteli japonskoj stariny* [Heroes, creators and keepers of Japanese antiquity]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaja literatura Publ., 1988, 235 p.
9. Nakorchevskij, A. A. *Japonskij buddizm: istorija ljudej i idej (ot drevnosti k rannemu srednevekov'ju: magija i jezoterika)* [Japanese Buddhism: A History of People and Ideas (from Antiquity to the Early Middle Ages: Magic and Esotericism)]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, 384 p.
10. *Nihon sjoki. Annaly Japonii* [Nihon shoki. Annals of Japan]. St. Petersburg, Giperion Publ., 1997, vol. 2, 432 p.
11. Nukarija, K. *Religija samuraev. Issledovanie dzjen-buddijskoj filosofii i praktiki v Kitae i Japonii* [Religion of the Samurai. A study of Zen Buddhist philosophy and practice in China and Japan]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 245 p.
12. Safronova, E. S. *Sinto i buddizm v srednevekovoj Japonii* [Shinto and Buddhism in Medieval Japan]. Moscow, 1982, 214 p.
13. *Sutra o lvinom ryke caricy Shrimaly* [Sutra about the lion's roar of Queen Shrimala. (Srimaladevi-simhananda-sutra)]. Available at: https://buddha-sutras.io.ua/s1761157/sutra_o_lvinom_ryke_caricy_shrimaly_shrimaladevi-simhananda-sutra_maharatnakuta_sutra_glava_48.

14. Suhanova, N. N. Social'nyj status zhenshiny v Japonii: vehi istorii [The social status of women in Japan: milestones in history]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya "Istorija" [News of the Irkutsk State University. Series "History"], 2013, no. 2, pp. 106–112.
15. Trubnikova, N. N. *Zhizn i sochinenija Nitirjena* [The Life and Writings of Nichiren]. Available at: <http://trubnikovannarod.ru/Nichi0.htm>.
16. Trubnikova, N. N., Bachurin, A. S. *Istorija religij Japonii IX–XII vv.* [History of the religions of Japan in the 9th–12th centuries]. Moscow, Natalis Publ., 2009, 560 p.
17. Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. Buddijskaja jetika i "duh kapitalizma" (o roli buddizma v social'no-jekonomicheskom razvittii i modernizacii Japonii) [Buddhist ethics and the "spirit of capitalism" (on the role of Buddhism in the socio-economic development and modernization of Japan)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2018, no. 62, pp. 210–221.
18. Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. Zhenskoe duhovenstvo v istorii buddizma u mongol'skih narodov Rossii [Female clergy in the history of Buddhism among the Mongolian peoples of Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2020, vol. 72, pp. 195–208.
19. Fisser, M. V. *Drevnij buddizm i Japonii* [Ancient Buddhism and Japan]. Moscow, Serebrjanye niti Publ., 2016, 472 p.
20. Shmyglja, A. *Solnce Vstaet na Vostoke – zhizneopisanie Nitirjena* [The Sun Rises in the East – Nichiren's biography]. Available at: <https://proza.ru/2008/12/29/179>.
21. Kurihara, T. A. History of Women in Japanese Buddhism: Nichiren's Perspectives on the Enlightenment of Women. *The Journal of Oriental Studies*, 2003, no. 13, pp. 94–118.
22. Lepekhova, E. S. Buddhist Nuns in Early Medieval Japanese Sources (In Comparison With Tibetan Yoginis and Chinese Nuns). *Cultural and Religious Studies*, Jan.-Feb. 2015, vol. 3, no. 1, pp. 58–68.

DOI 10.21672/1818-510X-2020-65-4-103-107

«КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: АКТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

Решетникова Наталья Сергеевна, кандидат философских наук, доцент
Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: tsareva_06@mail.ru

Горлова Екатерина Владимировна, кандидат философских наук, доцент
Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: spiro.spero@mail.ru

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию обозначенных терминов в научной мысли второй половины XX – начала XXI в. В рамках современных социокультурных исследований, с одной стороны, развиваются отечественные традиции в определении понятий «культура» и «цивилизация», с другой – создаются новые коннотации. По мнению авторов статьи, рассмотренные подходы к определению смыслов феноменов культуры и цивилизации являются наиболее значимыми, раскрывающими сущность современного социума. Культура предстает как антропологическая категория, отражающая созидательную активность человека; как онтологическая категория, предполагающая, что вне культуры нет осмысленного и значимого бытия человека; как аксиологическая категория, представляющая систему хранения и передачи духовного опыта, ценностей и идеалов. Цивилизация выступает как праксеологическая категория, характеризующая уровень общественного и технологического развития социума, которому свойственны отчуждение от природного бытия, приоритет социальных ценностей над экологическими, преобразовательно-деформирующий характер деятельности.

Ключевые слова: культура, цивилизация, смыслы, духовный опыт, ценности, коннотации, категории, дискурс, научный подход, текст, синкретизм, глобализационные процессы

“CULTURE” AND “CIVILIZATION”: ACTUAL MEANINGS

Reshetnikova Natalya S., Ph. D. (Philosophy), Associate Professor
Astrakhan State University,
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: tsareva_06@mail.ru

Gorlova Ekaterina V., Ph. D. (Philosophy), Associate Professor
Astrakhan State University,
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: spiro.spero@mail.ru

The article discusses the main approaches to understanding the designated terms in scientific thought in the second half of the XX – early XXI centuries. Within the framework of modern sociocultural research, on the one hand, national traditions are developing in defining the concepts of "culture" and "civilization", on the other,